

Новѣйшая литература о св. Георгіи Побѣдоносцѣ.

Ни одинъ изъ древнихъ святыхъ мучениковъ не пользовался такою широкою извѣстностью, ни одинъ такъ глубоко не былъ понятъ сердцемъ народнымъ, какъ св. Георгій. Церкви греческая, латинская, грузинская, русская, копты и сирійцы, нѣмцы и кельты, казалось, соревновали въ почитаніи этого святого, сохранивъ мученичество его во многочисленныхъ сказаніяхъ, пересказахъ и передѣлкахъ. И это не даромъ, ибо въ чудесахъ святого представлена общечеловѣческая мысль — о борьбѣ и побѣдѣ добра надъ зломъ, мысль, простирающаяся въ самую глубь человѣчества.

Работы, относящіяся до раскрытія исторической, литературной и бытовой стороны мученичества, такъ многочисленны, что не всякій даже специалистъ могъ бы перечислить ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ и цѣности. Напр. извѣстнѣйшій нѣмецкій агиологъ А. Ehrhard составилъ, казалось, полный списокъ литературы о св. Георгіи (ок. 70 работъ); но вотъ знаменитый Болландистъ Нир. Delehaye, пересмотрѣвъ этотъ списокъ, нашелъ, что его можно было бы увеличить до безконечности.

Съ усиленіемъ роста агиологическихъ работъ послѣдняго времени св. Георгіи также занялъ видное мѣсто: ему посвящены труды А. В. Рытенка „Легенда о св. Георгіи и драконѣ въ византійской и славяно-русской литературахъ“ (Одесса 1909)¹⁾, съ особымъ приложеніемъ, Cornelia Steketee Hulst „St. George of Cappadocia in legend and history“ (London 1909), J. B. Aufhauser „Das Drachenwunder des heiligen Georg in der griechischen und lateinischen Überlieferung“ (Leipzig 1911)²⁾, K. Krumbacher „Der heilige Georg in der griechischen Überlieferung, hrsg. von A. Ehrhard“ (München 1911)³⁾. Тогда какъ Рытенко имѣлъ въ виду греческую и славяно-русскую литературу, Крумбахеръ одну греческую письменность, Ауфгаузеръ литературу греческую и латинскую, г-жа Гольстъ избрала путь популяризаціи извѣстнаго агиографическаго сюжета. Скажемъ нѣсколько подробнѣе о каждой изъ названныхъ работъ.

I. Крумбахеръ.

Karl Krumbacher, Der heilige Georg in der griechischen Überlieferung. Aus dem Nachlasse des Verfassers

1) Рецензія В. М. Истрина въ Ж. М. Н. Пр. 1910, сентябрь 165—177 (куда и отсылаемъ читателя для оцѣнки фактической стороны изслѣдованія, съ которою во многихъ случаяхъ не согласенъ русскій академикъ); Byz. Zeitschr. XXI (1912) 234—239 (пец. W. Hengstenberg'a).

2) Пец. Van de Vorst, Byz.-Zeitschr. XXI, 231—233.

3) Рецензія на изданіе Н. Delehaye, Byz. Zeitschr. XXI (1912), 225—231.

herausgegeben von **Albert Ehrhard**. Mit 3 Tafeln. München 1911, in Kommission des G. Franz'schen Verlags (J. Roth). XLII, 332 стр. 8°. Abhandlungen der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch - philologische und historische Klasse. XXV. Band, 3. Abhandlung.

Энциклопедичность и хрестоматійность работы, характеризовавшія ученые труды Крумбахера и особенно сказавшіяся въ его „Исторія византійской литературы“, проводились имъ и въ „Св. Георгіи“.

Въ этомъ трудѣ, къ сожалѣнію не оконченномъ, покойный задался цѣлью собрать всю византійскую литературу о Георгіи, расположить ее въ генетической системѣ и изслѣдовать вопросъ о взаимоотношеніи между отдѣльными текстами.

Такая постановка вопроса, такой методъ изслѣдованія, безспорно очень точный, однако при одномъ существенномъ условіи, — если просмотрѣны и использованы всѣ находящіеся въ мірѣ греческія рукописи съ житіями, мученичествами и похвальными словами въ честь святого. Но если изслѣдователь случайно не все принялъ во вниманіе, то и самый вопросъ о генезисѣ редакцій и зависимости ихъ отъ той или иной группы греческихъ произведеній становится не устойчивымъ, генеалогическое дерево жизни литературнаго преданія воздвигнуто на непрочной базѣ.

Крумбахеръ имѣлъ въ виду для своей цѣли 118 греческихъ списковъ изъ различныхъ библіотекъ, начиная съ VII и кончая XVII столѣтіемъ, но специально изучалъ не всѣ, — на нѣкоторые списки сдѣлано имъ одно только указаніе, а другіе пропущены. Далѣе онъ не всегда приводитъ тексты сполна, иногда онъ довольствуется лишь отрывками изъ того или другого сказанія, заставляя читателя вѣрить ему на-слово, что въ пропущенныхъ имъ мѣстахъ не заключается ничего интереснаго или важнаго, напр. изъ венеціанской народной книги о св. Георгіи Крумбахеръ напечаталъ лишь §§ 1—4, 12—14, 19 и 23. И даже такой почитатель покойнаго, какъ виднѣйшій изъ агіологовъ нашего времени проф. A. Ehrhard, не могъ не пожалѣть, что приведены только отрывки, а не полный текстъ. Наконецъ не смотря на тщательность, съ какой сдѣланъ перечень принятыхъ имъ во вниманіе списковъ, въ немъ все-таки оказались существенные пробѣлы: напр. ему остались неизвѣстными двѣ похвалы св. Георгію XIV вѣка, изъ которыхъ одна принадлежитъ Никифору Григорѣ, а другая Нилу, архіепископу Родосскому. О. Delehaue идетъ еще далѣе. Онъ вообще жалѣетъ, что Крумбахеръ ограничилъ свой трудъ одною греческою письменностью, не принявъ во вниманіе латинской и восточныхъ, вообще національных литературъ, которыя быть можетъ позволили бы ему начертать иную схему литературной жизни этого агіологическаго сюжета. При своей узкой задачѣ и при всей своей осторожности Крумбахеръ

избѣгъ явныхъ ошибокъ, но путь его труденъ: стоило только взяться за такую работу изслѣдователю съ широкимъ кругозоромъ, изслѣдователю увлекающемуся, чтобы впасть уже въ ошибку.

Книга Крумбахера состоитъ изъ трехъ главъ: текстовъ, изслѣдованія ихъ и заключенія. Первая содержитъ старую народную книгу (5 текстовъ), нормальный текстъ — чистый и интерполированный (2 текста), риторскія обработки (1 текстъ), похвальные слова (2 текста), церковныя пѣснопѣнія (3 текста) и сказочную исторію о вѣтѣрчаномъ рожденіи Георгія (1 текстъ). Во второй покойный разсматриваетъ вопросы о содержаніи, выводахъ и рукописномъ преданіи, иногда говоритъ о языкѣ и критикѣ, иногда дѣлаетъ замѣчанія къ тексту, иногда разсуждаетъ о способѣ трактовки предмета компиляторомъ и объ изданіяхъ памятника, если они были. Въ третьей главѣ идетъ рѣчь о первоначальномъ текстѣ (типа *Λαδιανός*), о старыхъ и болѣе новыхъ типахъ текста *Διοκλητιανός*, о позднѣйшихъ новообразованіяхъ и наконецъ о заключеніи. Въ приложеніи дается эскизъ о мифологическомъ значеніи Георгіевой легенды (Георгій = Миера, теорія A. von Schmidt'a оспариваемая Крумбахеромъ), объ историческомъ ея значеніи (Георгій = Георгій еп. Александрійскій, не раздѣляемое имъ отождествленіе) и о древнѣйшихъ (до половины VI в.) носителяхъ имени *Γεώργιος* (быть можетъ не особенно нужный эскизъ П. Мааса).

Дополненное въ концѣ, изслѣдованіе дополнено (A. Ehrhard'омъ) и въ началѣ. Нѣмецкій агиологъ выпустилъ трудъ покойнаго съ самымъ обстоятельнымъ предисловіемъ, въ которомъ, преклоняясь передъ широтою задачи Крумбахера, не скрываетъ своего сожалѣнія по поводу принятой послѣднимъ методы изданія и указываетъ на неполноту его работы; становясь на его точку зрѣнія (энциклопедичность), Ehrhard предпосылаетъ изданію перечень печатной литературы о Георгіи, оказавшійся однако, какъ сказано, далеко не полнымъ.

Между отдѣльными литературными этюдами Крумбахера обращаетъ на себя вниманіе замѣтка его объ извѣстномъ византійскомъ писателѣ-агиографѣ Никитѣ-Давидѣ Пафлагонянинѣ. Покойный, предполагавшій удѣлить ему болѣе мѣста въ третьемъ изданіи своей „Исторіи византійской литературы“, ограничился здѣсь лишь нѣсколькими интересными біографическими новинками, извлеченными имъ или A. Эрхардомъ изъ рукописей. Впрочемъ и этого было достаточно, чтобы сказать о главныхъ моментахъ его литературной дѣятельности. Однако славный византиистъ этого не сдѣлалъ и даже не зналъ нашей работы объ этомъ писателѣ, быть можетъ потому, что она вошла въ предисловіе анонимнаго житія св. Евдокима. Поэтому предлагаемъ здѣсь общій взглядъ на личность и дѣятельность этого интереснаго писателя.

Въ свое время мы высказали мысль, что личность Никиты-Давида можетъ разъясниться лишь по изданіи всѣхъ его сочиненій. Мы не

ошиблись въ этомъ, ибо уже давно подмѣтили, что Никита-Давидъ въ своихъ агіографическихъ пересказахъ нерѣдко говорить о себѣ.

Первыи, начальный, терминъ его біографіи (годъ рожденія) указанъ самимъ авторомъ, постоянно имѣется въ виду учеными, но вслѣдствіе его казавшейся неопредѣленности не могъ быть использованъ надлежащимъ образомъ. По словамъ Никиты-Давида, патр. Игнатіи *πρὸ τῆς καὶ ἡμᾶς ταύτης ἀναδειχθεὶς γενεᾶς*, жилъ передъ этимъ нашимъ поколѣніемъ. Начиная со Льва Алляція и кончая Крумбахеромъ толкованіе этой фразы не подвинулось ни на шагъ. Правда, мы въ 1908 г. опредѣленно говорили, что авторъ въ 842 г. долженъ былъ быть еще молодымъ человѣкомъ; но такъ какъ и мы тогда не могли еще истолковать *πρὸ τῆς καὶ ἡμᾶς γενεᾶς* болѣе точнымъ образомъ, наша біографія Никиты-Давида могла казаться не достаточно обоснованной. Въ настоящее время мы смѣшимъ подѣлиться своимъ толкованіемъ этого загадочнаго мѣста. Начиная съ классической древности, человѣческій возрастъ равнялся 30 годамъ; напр. про 65-лѣтняго старца говорили, что онъ живетъ уже въ третьемъ человѣческомъ возрастѣ, въ третьемъ человѣческомъ поколѣніи¹⁾. Очень можетъ быть, что и Никита-Давидъ подъ словомъ *γενεά* разумѣлъ тоже, что римляне понимали подъ *aetas*, то-есть 30-лѣтній промежутокъ времени. А если это такъ, то время рожденія нашего писателя опредѣляется довольно легко: патр. Игнатіи родился около 798 г.²⁾, стало быть Никита-Давидъ родился около 828 года.

Послѣдній терминъ его біографіи, извѣстный еще Алляцію³⁾, вновь найденъ А. Эрхардомъ въ неизданномъ житіи св. Іоанна Златоустаго, составленномъ этимъ агіографомъ: *βίος — παρὰ τοῦ μακαρίου καὶ ἁγίου Νικήτα, δούλου Ἰησοῦ Χριστοῦ, τοῦ φιλοσόφου, ὃν καὶ ἀπέστειλε Κωνσταντῖνῳ τῷ βασιλεῖ προτραπεῖς παρ' αὐτοῦ συντάξαι...* Константинъ Багрянородный вступилъ на престолъ въ 911 году, значить въ это время еще жилъ Никита-Давидъ. Но такъ какъ въ это время нашему автору было уже 83 года, надо думать, что послѣ 912 г. онъ уже не могъ долго жить. Такимъ образомъ мы можемъ теперь заключить жизнь Никиты-Давида между 830—915 годами⁴⁾.

На этой біографической канвѣ мы можемъ намѣтить три главныхъ момента литературной дѣятельности Никиты-Давида: въ молодыхъ годахъ, въ санѣ простого подначальнаго инока (ок. 850 г.) онъ написалъ рассказъ о св. Георгіи Побѣдоносцѣ, изданный частью Крумбахеромъ (S. 181—182), и мученичество св. Кирика и Іулитты, а еще ранѣе

1) Cp. (Nestor) tertiam jam aetatem hominum vivebat; Овидій: nunc tertia vivitur aetas.

2) Hergenröther, Photius, I, 355.

3) A. Mai, Nova Patrum Bibliotheca, VI, 2, p. 4: floruit circa Leonis et Constantini tempora.

4) Обыкновенно кончину его ранѣе относили ок. 890 года.

житіе св. Евдокима, изданное нами¹⁾ На шестомъ десяткѣ лѣтъ (ок. 882—886 гг.) онъ написалъ житіе патр. Игнатія и наконецъ въ глубокой старости (ок. 913 г.) выпустилъ житіе св. Іоанна Златоустаго.

Въ исторіи византійской агиографіи личность Никиты - Давида должна теперь занять особое, выдающееся мѣсто. Это былъ писатель плодovitый и оригинальный, хотя эта оригинальность была и не одинаковаго характера. Онъ первый изъ агиографовъ византійскаго періода уклонился отъ рабскаго слѣдованія старымъ литературнымъ образцамъ и пытался оживить мертвую житиную канву введеніемъ субъективнаго элемента, свѣдѣній о своей личной жизни, о своихъ литературныхъ занятіяхъ, о своей эпохѣ. Направление это встрѣтило сочувствіе. Младше его современники, напр. магистръ Никита, усвоили его и также вводили въ житія свое личное я. Въ житіи Θεоктисты Лесбосской послѣдній напр. сообщалъ о своемъ участіи въ морской экспедиціи Имерія (нач. X в.) и о томъ, что онъ лично слышалъ отъ лезвіянъ рассказы о святой

Лучшимъ временемъ дѣятельности Никиты-Давида должны считаться его молодые годы, когда онъ былъ еще простымъ подначальнымъ инокомъ, и однако уже философомъ, и когда онъ работалъ истинно научнымъ образомъ. Въ предисловіи къ житію св. Евдокима²⁾ онъ говорилъ о своей юности, о тяжелыхъ временахъ своего школьнаго ученія и о чтеніи имъ этого житія среди ученыхъ и литераторовъ для полученія званія, какъ кажется, риторика литературы. Кромѣ того онъ также намекаетъ, что хотя ему извѣстны первоначальные рассказы объ Евдокимѣ, но онъ не всѣмъ изъ нихъ вѣритъ: кое-чѣмъ пользуется, другое отметаеъ. Въ предисловіи къ житію св. Георгія онъ рассказываетъ, что рѣшившись по порученію быть можетъ настоятеля монастыря писать житіе, онъ сталъ прежде всего собирать литературу предмета. Узнавъ отъ одного инокa, что различные житія святаго находятся въ одномъ изъ монастырей внутри столицы (вѣроятно Студискомъ), Никита-Давидъ явился въ обитель, перечиталъ всѣ житія, установилъ наиболѣе обычные (по Крумбахеру: нормальные) текстъ, который и положилъ въ основу своего пересказа; онъ читалъ здѣсь и сказочные тексты о Георгіи, народную книгу о немъ, гдѣ напр. говорилось о 72 царяхъ и о главномъ изъ нихъ *Λαδιανός* ѱ (ср. S 136—137), о троекратномъ возстаніи Георгія изъ мертвыхъ, но не далъ имъ мѣста въ

1) Житіе св. славнаго Евдокима (отд. отт. изъ „Извѣстій Р. Археол. Института въ Константинополѣ“), София 1908 (съ перечнемъ сочиненій Никиты-Давида)

2) Хотя житіе это въ единственной рукописи и анонимно, однако на основаніи его языка мы нашли возможнымъ приписать его перу Никиты-Давида, и критика (Болландистъ Peeters) допустила эту возможность. Рассматриваемая публикація Крумбахера еще болѣе укрѣпила насъ въ этомъ прирученіи

своемъ трудѣ. Подобныя признанія были такъ не обычны у агіографовъ византійскаго времени! Такимъ образомъ въ эту раннюю пору своей литературной дѣятельности Никита-Давидъ является прекраснымъ критикомъ и аналитикомъ письменнаго матеріала.

Въ эпоху совершенно зрѣлую (882—886 гг.) нашъ авторъ проявляетъ тоже стремленіе къ свидѣтельствамъ достовѣрнымъ и тоже субъективность. Отъ этого времени мы пока имѣемъ одно, почти датированное, его житіе — патр. Игнатія, эту боевую хронику современности. Здѣсь у него наблюдается уже ослабленіе критическаго метода; онъ не можетъ провести его безпристрастно. Задѣтый за живое, онъ увлекается завѣдомо тенденціозными слухами и даетъ имъ вѣру столько же, сколько и безспорнымъ фактамъ. Житіе Игнатія — это желчная выходка противъ Фотія, это — торжествующая месть этому патріарху. Впрочемъ на основаніи только одного житія Игнатія быть можетъ было бы рискованно заключать объ ослабленіи его критическаго метода, и если мы тѣмъ не менѣе все-таки говоримъ объ этомъ, то не упускаемъ изъ вида позднѣйшую дѣятельность Никиты-Давида.

Въ глубокой старости, не задолго до кончины (ок. 913 г.) Никита-Давидъ уже окончательно утратилъ свое критическое чутье. Онъ послалъ составленное имъ житіе Златоустаго имп. Константину Багрянородному. Прежде всего это обстоятельство должно быть понимаемо конечно въ томъ смыслѣ, что авторъ писалъ житіе въ Дадиврахъ, откуда и переслалъ рукопись въ столицу. Отсюда можно думать, что послѣдніе годы своей жизни Никита-Давидъ жилъ въ своемъ епископскомъ городѣ, гдѣ вѣроятно и умеръ. Далѣе самъ ли царь Константинъ, или состоявшая при немъ канцелярія указали на Дадиврскаго епископа какъ на лицо, способное по достоинству написать житіе величайшаго отца церкви; но нѣтъ ничего невѣроятнаго, если и канцелярія отъ имени царя предложила ему написать это житіе. При этомъ нельзя не обратить вниманія на сухой канцелярскій тонъ: *ἀπέστειλε Κωνσταντῖνος τῷ βασιλεῖ*: если бы царь лично просилъ епископа, послѣдній выразился бы болѣе почтительно: *τῷ κραταίῳ βασιλεῖ* (какъ писали напр. въ XII в.) или какъ нибудь иначе въ этомъ родѣ, да и вообще не писалъ бы: *ἀπέστειλε*, а представилъ бы императору рукопись лично. Находясь подъ впечатлѣніемъ рекламныхъ хронистовъ X в. и Григорова житія св. Теофанія царицы, мы кажется слишкомъ поэтически представляемъ себѣ личность имп. Константина, который стоялъ де въ центрѣ, вокругъ котораго группировались де ученые и литераторы того времени и самъ царь лично руководилъ ихъ работою. Нѣтъ, дѣло представляется въ болѣе прозаическомъ видѣ. Канцелярія представляла царю списокъ литераторовъ, на содѣйствіе которыхъ можно было разсчитывать, и царь только утверждалъ этотъ списокъ; канцелярія (отъ имени императора) предлагала работу; и авторы охотно писали, такъ какъ уже одна реклама „составлено по порученію императора“ долго гаран-

тировала имъ ихъ преимущество. Но не всѣ работы, исполненныя по царскому порученію, отличались достоинствами. . . Никита-Давидъ пользовался столь громкою репутаціею віолога, что и къ нему официально обратилась канцелярія отъ имени царя съ литературнымъ заказомъ — написать житіе Іоанна Златоустаго. Заказъ былъ сдѣланъ, однако выборъ на этотъ разъ оказался неудачнымъ. Престарѣлый епископъ Дадиврскій уже не могъ справиться со своею задачею; критическое чутье, которымъ онъ руководился въ болѣе молодые годы, теперь оставило его, и Никита-Давидъ написалъ это житіе совершенно безъ всякой критики, не могъ отдѣлать безпристрастія отъ пристрастія и черезъ это наполнилъ сочиненіе тенденціозными и вздорными разсказами. Въ силу этого его житіе св. Іоанна Златоустаго не удостоилось признанія, было объявлено „апокрифическимъ“ (Скилица), забраковано и осуждено такъ сказать на безвѣстность¹⁾; сохранилось оно нынѣ только въ рукописи XI в. № 4 Солунскаго монастыря τῶν Βλαταίων и, какъ сказано, читано недавно проф. А. Эрхардомъ.

Среди младшихъ современниковъ Никиты-Давида Пафлагонянина извѣстенъ во первыхъ Никита Пафлагонянинъ, во вторыхъ магистръ Никита. К. фонъ Бооръ и мы отличаемъ перваго отъ второго, но Нір. Delehaue отождествляетъ ихъ. Мы представили біографіи обоихъ этихъ Никитъ: не смотря на нѣкоторое сходство между ними есть существенная разница: Никита Пафлагонянинъ былъ на много лѣтъ моложе Никиты-Давида Пафлагонянина. Магистръ Никита — также личность, о которой имѣются разныя мнѣнія. Діаконъ Теофилъ Іоанну пробовалъ отождествить его съ одной стороны съ Никитою-Давидомъ, а съ другой съ Симеономъ Метафрастомъ. Крумбахеръ отвергаетъ тожество его съ Метафрастомъ и склоненъ къ отождествленію его съ Никитою-Давидомъ (S. 186). Это одинъ изъ большихъ промаховъ знаменитаго византиниста. Магистръ Никита былъ въ этомъ санѣ въ 902 г., во время морской критетской экспедиціи, тогда какъ въ это время Никита-Давидъ 74-хъ лѣтнимъ старцемъ правилъ епископскимъ престоломъ въ Пафлагоніи. И для историка литературы краеугольнымъ камнемъ долженъ считаться прежде всего историческій вопросъ о времени жизни писателя и только потомъ вопросъ о литературныхъ связяхъ его съ современниками. Стоитъ только упустить изъ вида или пренебречь первымъ критеріемъ и остановиться только на сходствѣ стили и слога писателя съ омонимомъ, какъ -- ошибка готова. Литературная критика средневѣковыхъ памятниковъ еще не установила своихъ принциповъ. Сходство выраженій и особенно отдѣльныхъ фразъ

1) Ср. наше „житіе св. Евдокима“ редакція Никиты-Давида. Софія 1908, стр. 28. Мы думали тогда, что авторъ могъ говорить о Св. Іоаннѣ въ похвальному слову ему; но теперь, когда нашлось его и житіе Іоанна Златоустаго, надобно думать, что Никита-Давидъ написалъ апокрифическое не похвальное слово, а именно житіе св. отца церкви.

не должно быть признакомъ и доказательствомъ наличности одного автора, — скорѣе напротивъ: самостоятельный авторъ не повторяетъ себя, но ученики и школьники зачастую не идутъ далѣе своего образца.

Подъ вліяніемъ Никиты-Давида, какъ мы сказали выше, находился и магистръ Никита, который также примкнулъ къ новому литературному теченію и также проявилъ въ пересказахъ извѣстнаго рода субъективность. Однако субъективное отношеніе агіографовъ, начало которому было положено въ IX в. Никитою-Давидомъ, продолжалось не долго, и уже въ X в. кончилось. Уже Θεοδωρὶς Δαφνιοπάτης вернулся къ старому направленію, къ безцвѣтному пересказу старыхъ образцовъ. Но особенно слѣдуетъ имѣть въ виду знаменитаго Симеона Μεταφράστα, который не только вернулся къ старой манерѣ изложенія, но и осыятилъ эту манеру единствомъ своего безстрастнаго переложенія. Подобно Никитѣ-Давиду онъ правда бралъ въ основу нормальный текстъ, но перелагалъ его совершенно абстрактно и безлично. Онъ пользовался предшествующею литературою, читалъ пересказы Никиты-Давида и иногда идетъ рядомъ съ нимъ довольно близко, на что указалъ и Крумбахеръ (S. 186); но у него мы не найдемъ намековъ на себя. Если онъ кое-гдѣ и добавляетъ къ прежнему текстѣ, то дѣлаетъ это безъ всякихъ оговорокъ, какъ будто бы эти дополненія находились въ его источникѣ. Такое отношеніе Симеона особенно сказалося въ его пересказѣ житія св. Евдокима. Современникъ святого Никита-Давидъ говорилъ, что мощи Евдокима, принесенныя въ Константинополь, были переданы его родителямъ; напротивъ при пересказѣ этого мѣста Μεταφράστη пишетъ, что мощи были положены въ построенную родителями святого церковь Богородицы. Симеонъ былъ *μεταφραστής κατ' ἐξοχήν*. Хотя онъ пересказывалъ чужіе тексты, однако не былъ при этомъ рабомъ своихъ оригиналовъ, писалъ своимъ языкомъ, своею фразеологіею, а не „ограничивался только легкою ретушировкой“ оригиналовъ, какъ говорилъ Крумбахеръ (S. 186). Сильный ударъ здѣсь наносится ему въ житіи св. Θεοκτιστοῦ Λεσβιοῦ. Магистръ Никита, лично участвовавшій въ Критской экспедиціи Имеріи 902 г., лично слышалъ рассказы о святой отъ самихъ лезвіянъ. Это житіе пересказалъ и Μεταφράστης, но какъ? и Симеонъ, ничтоже сумняся, пересказалъ, что онъ участвовалъ въ экспедиціи Имеріи и лично слышалъ отъ Лезвіянъ рассказы о святой. Мы очень сомнѣваемся, можно ли эту метафразу приписать Симеону, хотя она въ рукописи и стоитъ съ его именемъ, и высказали предположеніе, что это есть анонимная метафраза житія, X в., составленная очень несамостоятельнымъ писателемъ¹⁾, быть можетъ школьникомъ.

Крумбахеръ высказываетъ пожеланіе, чтобы ученые занялись сравненіемъ Μεταφραстовскихъ текстовъ съ ихъ оригиналами — для того,

1) Ж. св. Евдокима. Софія 1908 стр., 40 прим.

чтобы ясно представить себѣ манеру его работы въ фактическомъ и стилистическомъ отношеніи. При изданіи житія св. Евдокима мы продолжали эту работу и отмѣтили интересныя наблюденія въ смыслѣ характеристики Метафрастовской дѣятельности; но для болѣе полной и безпристрастной оцѣнки необходимо произвести сличеніе многихъ и многихъ параллельныхъ текстовъ.

2. Рыстенко.

- А. В. Рыстенко.** Легенда о Св. Георгіи и драконѣ въ византійской и славяно-русской литературахъ. Одесса, „Экономическая типографія“, 1909. V, 536 стр. 8°. Цѣна 2 р. 80 к.
- А. В. Рыстенко.** Новогреческая обработка легенды о Св. Георгіи и драконѣ. Одесса, „Экономическая типографія“ 1909. 28 стр. 8°. Цѣна 35 коп.

Въ работахъ современныхъ ученыхъ по исторіи древне-русской литературы необходимо прежде всего обращать вниманіе на планъ сочиненія, его такъ сказать архитеконику.

Архитеконику въ нынѣшнихъ диссертацияхъ видимо страдаетъ, а чѣмъ слабѣе архитектоника, тѣмъ громоздче, тѣмъ неуклюжѣе и все зданіе.

У современныхъ ученыхъ нельзя отнять ни любви къ дѣлу, ни настойчивости къ работѣ, ни учености въ той или другой избранной ими области; но у нихъ нѣтъ воображенія, нѣтъ продуманнаго, стройнаго плана работы. Задумалъ авторъ написать ученую работу напр. о Георгіевской легендѣ въ греко-славяно-русской письменности, въ которой такъ много разныхъ пересказовъ и передѣлокъ, — сейчасъ собираетъ тексты греческіе, славяно-русскіе, а то прихватываетъ за одно и латинскіе, начинаетъ сличать ихъ, съ указаніемъ всѣхъ, даже мелкихъ, отличій между ними; болѣе разныя тексты относить въ особыя редакціи и даетъ имъ характеристики. Въ виду того, что повѣсть нельзя же было до безконечности рассказывать все на новый ладъ, что въ разныхъ „редакціяхъ“ оказывается много сходнаго, авторъ приходитъ къ выводу, что напр. третья редакція стоитъ въ зависимости отъ первой и отчасти отъ второй (или наоборотъ). Удивительно плодотворный научный выводъ диссертаци! Прежніе ученые (Кириичниковъ, акад. Веселовскій) продѣлывали эту работу лично для себя только для того, чтобы на основаніи ея сдѣлать какой либо общій выводъ въ печати, — современные ученые выводятъ эту малоинтересную работу наружу; каждый штрихъ, каждое замѣчаніе ихъ имъ кажется важнымъ и входитъ въ ихъ ученую работу въ видѣ ли обширнаго текста въ книгѣ, примѣчанія, или въ видѣ особой рубрики въ текстѣ. Вслѣдствіе этого объемъ книги разрастается въ ущербъ ея читаемости.

Въ погонѣ за редакціями мы не видимъ памятниковъ, что совершенно противоестественно. Это все равно, какъ если бы мы начали изученіе редакцій „Мертвыхъ душъ“; намъ сказали бы: дайте намъ сначала самый памятникъ или разборъ его, а потомъ уже толкуйте себѣ на здоровье объ его редакціяхъ! Само собою разумѣется, мы не отрицаемъ редакцій, но находимъ, что онѣ дѣло второстепенное, добавочное; а какъ таковое, онѣ должны и занимать мѣсто маленькое, въ примѣчаніи, а не занимать главнаго мѣста въ книгѣ.

Разсматриваемая книга приватъ-доцента Новороссійскаго университета А. В. Рытенки принадлежитъ къ сочиненіямъ этого рода. Центръ тяжести ея, ровно половина, лежитъ на изученіи рукописнаго, византійскаго и славяно-русскаго преданія о чудѣ св. Георгія о драконѣ.

Она открывается двумя греческими текстами упомянутаго чуда — по cod. Paris. 770, XIV в., съ вариантами изъ двухъ венеціанскихъ рукописей XIII—XIV и XVI вѣковъ (*Λευτε ἀκούσατε ἡμῖν*, стр. 9—18) и по cod. Marcian. VII, 42, XIII в. (*Ἀκούσατε, ἀδελφοί*, стр. 19—22). При особенной любви автора къ редакціямъ мы просто удивляемся, почему онъ первый текстъ не назвалъ первой, а второй — второю греческою редакціею¹⁾. Далѣе слѣдуетъ тоже чудо по сербскому сборнику проф. Сречковича (XIII—XIV в.: И кто слыша отъ вѣка, стр. 23—26). Существуетъ другой, отличный, сербскій списокъ чуда, опубликованный проф. Ягичемъ, но здѣсь о немъ нѣтъ упоминанія, быть можетъ въ силу его извѣстности, и опять безъ обозначенія первой и второй сербской редакціи. Но вотъ наконецъ идутъ русскіе списки: 1) Имп. Публ. Библ. 808, XVI в. (Придѣте, богоизбранніи людіе, стр. 27—35: первая редакція); 2) той же рукописи (Како изреку страшную сію, стр. 36—42: вторая редакція); 3) Троице-Сергіевой лавры 745, XVI—XV в., съ вариантами (Скажу вамъ, о христолюбци, стр. 43—57: третья редакція); 4) Имп. Публ. Библ. Q. I. 333, безъ обозначенія времени (Како изреку страшную сію, стр. 57—64: четвертая редакція). Эта редакція въ свою очередь подраздѣляется авторомъ на двѣ группы (стр. 230, 235). Здѣсь г. Рытенко оканчиваетъ первую часть своей работы по изданію текстовъ. Но во второй части, въ изслѣдованіи ихъ онъ подробно говоритъ еще о пятой русской редакціи (стр. 235—242), составленной вѣроятно государственнымъ крестьяниномъ, олончаниномъ XVIII в. Дмитріемъ Антоновымъ. Знай во-время о ней, авторъ пожалуй напечаталъ бы полный текстъ ея въ первой части. Во второй части, въ гл. II, авторъ подробно говоритъ о Сречковичевскомъ текстѣ, а въ главѣ V „Еще о спискѣ Сречковича“. Удивительно стройная архитектоника! Далѣе авторъ отличаетъ еще

1) И дѣйствительно, въ особомъ приложеніи къ книгѣ, о которомъ рѣчь ниже, авторъ назвалъ эти тексты редакціями, но только такъ, что первый изданный имъ текстъ назвалъ второю редакціею.

Бѣлорусско-московскую редакцію легенды (стр. 242—248), которую конечно не называетъ шестою русскою редакціею, ибо при печатаніи первой части онъ не зналъ о ней. Но и сверхъ всего этого г. Рыстенко во второй части говоритъ еще о палейныхъ текстахъ легенды (стр. 175—186), но не упомянулъ о нихъ въ первой части вѣроятно потому, что они уже изданы.

Но и всего этого все еще кажется недостаточно пытливому изслѣдователю. Заявивъ о томъ, что работа его лежитъ только въ предѣлахъ византійской и славяно-русской литературъ, авторъ привлекаетъ сюда же легенду еще и въ латинской обработкѣ кардинала Стефанески XIV в. (стр. 132—174), которая оставалась доселѣ не разсмотрѣнной учеными: предоставляемъ судить хотя бы и непосвященному въ дѣло читателю, насколько уместна вся шестая глава его второй части, въ 42 страницы!

Наконецъ на стр. 248—256 идетъ разсмотрѣніе легенды въ Четь-Минеехъ св. Димитрія Ростовскаго. Эта четырнадцатая глава книги, какъ и шестая, по нашему мнѣнію, является вещью совершенно здѣсь пенужною. Пожалуй съ большимъ правомъ могла бы претендовать легенда въ Четь-Минеехъ Германа Тулупова, нач. XVII в., о которой однако не упомянуто ни слова. Если разсматривается Георгіевская легенда у св. Димитрія, если разсматривается пятая редакція, Антонова (XVIII в.), то почему авторъ ограничилъ свое изслѣдованіе только до XVIII в., а не спустился ниже, до нашихъ дней, когда о св. Георгіи и его чудѣ о драконѣ существуетъ масса именныхъ и анонимныхъ пересказовъ? По взгляду новыхъ ученыхъ Тихонравовской школы, область развитія легенды не есть что либо законченное, это вѣчно растущее содержаніе, которое можно трактовать одинаково „научнымъ“ образомъ: въ XX в. разсматривать легенду, какъ ее понимали въ XIX-мъ, а въ XXI в. — какъ ее понимали въ XX-мъ и т. д. Слава Богу, что мы живемъ въ XX в., потому что живи мы въ XXX в., мы имѣли бы отъ г. Рыстенки анализъ легенды еще и за XX—XXIX столѣтія и подобное „изслѣдованіе“ Георгіевской легенды разраслось бы по крайней мѣрѣ въ 1000 страницъ! Но неужели все это будутъ научныя работы? нѣтъ и нѣтъ!

Должна быть разъ навсегда установлена грань, за которую не должны переходить работы въ родѣ Рыстенковъ и имъ подобныхъ. Цѣлью подобныхъ изслѣдованій должно быть выясненіе состоянія или степени религіознаго, бытового и историческаго міросозерцанія цѣлаго народа, но не отдѣльнаго индивидуума. Для стараго времени любой памятникъ представлялъ душеспасительное чтеніе, доброе слово, въ которое вѣрилъ цѣлый народъ, почему изученіе памятника важно для начертанія характеристики вѣрованій этого народа.

Не то мы видимъ въ новое время. Но гдѣ грань двухъ періодовъ? Каковъ характеръ стараго и новаго времени? Граница двухъ періо-

довъ кроется на переломѣ міросозерцанія и міропониманія человѣчества. Этотъ переломъ завершился въ западной Европѣ въ эпоху Реформации, а у насъ на Руси къ началу XVIII вѣка, когда широкою волною къ намъ нагрянула иностранная литература. Русскіе люди съ ихъ наивною, дѣтскою вѣрою въ букву писанія вдругъ встрѣтились съ иными взглядами, съ новымъ міросозерцаніемъ, этимъ продуктомъ работы свободной мысли, ея критики и анализа. Новому направленію мысли не было преграды. Русскіе люди, сравнивая свое съ чужимъ, не могли не видѣть превосходства чужого, и вотъ они мало-по-малу стали перенимать и усваивать критическіе приемы западно-европейской мысли. Вотъ въ этомъ переходѣ отъ прежней наивной вѣры въ букву писанія, къ критическому отношенію къ ней и заключался тотъ умственный, религіозный и нравственный переломъ русскаго общества, который является отличительною чертою русской литературы стараго и новаго времени. При свободной мысли можно было высказывать и свободныя мнѣнія; но каждое изъ этихъ мнѣній было инициативою отдѣльнаго писателя, или въ лучшемъ случаѣ отдѣльнаго кружка, но не было вѣрованіемъ цѣлаго народа. Св. Димитрій пересказалъ Георгіевскую легенду отчасти на основаніи славянской (т. е. въ сущности греческой), отчасти западной, латинской литературы (*Legenda aurea* Якова Воражинскаго), стало быть въ этой обработкѣ видно болѣе или менѣе субъективное творчество отдѣльнаго человѣка, потому что на основаніи этихъ источниковъ вѣдь можно было рассказать легенду и нѣсколько въ иномъ видѣ, смотря потому, чему болѣе придать значенія, славянскимъ, или латинскимъ текстамъ. Словомъ легенда у св. Димитрія не могла стать въ разрядъ старыхъ текстовъ о св. Георгіи, поэтому и не включена г. Рыстенкомъ въ очередную редакцію легенды. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ было вообще и говорить о ней? Это — продуктъ ученой мысли отдѣльнаго лица, а не народное созданіе. А если говорить о Димитріи, почему не сказать о С. Дестунищѣ, В. Турбинѣ и многихъ другихъ?

Однако всѣмъ этимъ еще не исчерпывается литература о Георгіевскомъ чудѣ. Г. Рыстенко привлекаетъ сюда еще во-первыхъ (гл. XV) русскіе духовные стихи какъ о мученіяхъ св. Георгія (стр. 276—312, по нашему мнѣнію опять лишній отдѣлъ), такъ и о его чудѣ (стр. 312—329), во вторыхъ (гл. XVI) разсмотрѣніе отношенія Георгіевской легенды къ былиннымъ сюжетамъ: къ Добрынь Никитичу (стр. 344—364), Михаилу Потокъ (стр. 364—385), Алешѣ Поповичу (стр. 386—407), Марку Кралевичу (стр. 407—412) и Дигенису Акриту (стр. 412—417). Порядокъ автора помѣщать сначала греческій элементъ, затѣмъ югославянскій и только потомъ русскій, кажется, обязывалъ его и здѣсь держаться разъ принятой системы, то-есть сначала говорить о Дигенищѣ, далѣе о Потокѣ и Маркѣ и только потомъ о Добрынь и Алешѣ, между тѣмъ авторъ разсуждаетъ здѣсь о предметахъ безъ всякой системы, —

что подвернулось подъ руку, о томъ и ведетъ рѣчь. Но такъ или иначе, только съ XV главы книги читатель освобождается отъ тяжелаго, гнетущаго чувства, отъ океана выписокъ и сравненій, и начинаетъ понимать, что авторъ приступаетъ къ болѣе или менѣе самостоятельному изслѣдованію. Незлобивые, по мѣрѣ дальнѣйшаго чтенія мы начинаемъ забывать о почти напрасно потерянномъ времени за чтеніемъ первой половины книги и успокаиваемся. Глава XVI оканчивается разсужденіями автора объ отношеніи между Георгіевскою легендою и сказочно-легендарнымъ матеріаломъ, то-есть болгарскою легендою, эпосомъ былиннымъ и сказочнымъ, напр. Никитою Кожемякой, Ильей Муромцемъ и Иваномъ Царевичемъ, какъ змѣеборцами, муромскою легендою, сагою о Рагнарѣ Лодброкѣ, монгольскими сказками, олонечкою легендою, бериславскимъ преданіемъ, сказкою о Борисѣ Ярыжкѣ. Сюда же присоединено разсужденіе о почитаніи Георгія въ области новгородскаго культурнаго вліянія, и тутъ идетъ рѣчь о связи съ легендою сказки объ Ерусланѣ Лазаревичѣ, рассказы Панчатантры. По откровенному признанію автора, эта глава отличается нѣкоторою долею поверхностности (стр. 439).

Послѣдняя, XVII, глава книги отнесена въ конецъ, хотя трактуетъ о начальныхъ частяхъ легенды, то-есть содержитъ разсужденіе о г. Лазіи = Лаозіи = Лаодикіи = Гевала = Нагава = Агава = Ракліи = Діосполь, царевнѣ Маріи = Пелагии = Маргаритѣ = Маринѣ и о царѣ Нападаваѣ = Агеѣ = Агафинѣ = Агапіи. Второй экскурсъ этой главы, о происхожденіи Георгіевской легенды, по мнѣнію западно-европейскихъ ученыхъ (стр. 443—458), долженъ былъ бы стоять въ самомъ началѣ книги, служить вводною статьею въ изслѣдованіе. Послѣдній экскурсъ главы — иконографія Георгіевской легенды.

Отмѣтивъ содержаніе книги г. Рыстенка, мы попутно указали и на ея планъ. Планъ этотъ не былъ начертанъ авторомъ заранѣе, онъ создавался по мѣрѣ того, какъ авторъ преуспѣвалъ въ изученіи своего предмета. Отсюда и произошла несуразность труда, его непродуманность: доминирующимъ является здѣсь не планъ, а обширная работа, другими словами ученый авторъ работалъ не по заранѣе выработанному плану, а напротивъ планъ явился тогда, когда книга была уже напечатана; планъ подгонялся къ тексту, а не наоборотъ, въ этомъ большая слабость ученой работы. Изъ детальнаго, кропотливаго сличенія текстовъ редакцій получилась въ общемъ огромная книга въ 536 страницъ мелкаго шрифта, трактующая о такомъ въ сущности маленькомъ предметѣ, какъ повѣсть о борьбѣ св. Георгія съ дракономъ, которую можно бы было не только безъ всякаго вреда для дѣла, но и съ большею пользою для него изложить на 250 страницахъ!

Мы однако не хотимъ этимъ упрекнуть лично г. Рыстенка, такъ какъ его трудъ — одна изъ работъ вообще новаго направленія ученаго изученія старой письменности. Вѣдь и Крумбахеръ, въ нѣкоторомъ

родѣ учитель нашего автора¹⁾), вообще говоря работая такъ же, какъ и ученикъ, но онъ однако несравненно лучше обработалъ свои планы и затѣмъ уже не выходилъ за его предѣлы, вслѣдствіе чего архитектоника знаменитаго византиниста куда строинѣе, нежели архитектоника русскаго ученаго Нѣмецки умъ всегда стремится къ осязательнымъ, нагляднымъ, видимымъ результатамъ, поэтому Крумбахеръ приводилъ генеалогію списковъ даже въ особомъ чертежѣ, до чего однако не возвысился Рыстенко, и кажется хорошо сдѣлалъ, ибо эти литературныя генеалогіи списковъ (или редакцій) живучи только до находки новаго списка, послѣ чего онѣ требуютъ уже капитальной передѣлки.

Въ видѣ дополнения и къ безъ того уже обширной книгѣ А. В. Рыстенко напечаталъ еще „Новогреческую обработку легенды о св. Георгии и драконѣ“ (Одесса 1909, 28 стр.) Эта обработка сохранилась въ аѳонскомъ Пантелеимоновомъ монастырѣ въ рук. XIX вѣка.

Аѳонская повѣсть, какъ говоритъ не на мѣстѣ авторъ (стр. 14), хотя уже и вышла изъ области византійской литературы, по особенностями своего текста напоминаетъ памятникъ византійской письменности и заслуживаетъ вниманія занимающихся литературной исторіею византійскихъ и славяно-русскихъ памятниковъ. Она является однимъ изъ звеньевъ, связывающихъ литературу византійскую съ новогреческою, и ее надо изучать въ связи съ средневѣковыми латинскими, юго-славянскими и русскими переводами и обработками, ибо въ результатъ такого совмѣстнаго изученія является рядъ важныхъ разъясненій для литературной исторіи каждой изъ нихъ.

Замѣтивъ, что по cod. Paris. (стр. 14, 10—11) царица проситъ Георгія бѣжать отъ озера, такъ какъ показался уже драконъ, а по Аѳонскому списку (стр. 23) этого нѣтъ, авторъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ (стр. 8): „Хотя въ Парижскомъ крикъ царицы имѣетъ свою мотивировку (?), но, быть можетъ, эта мотивировка показалась автору Аѳонскаго текста неудовлетворительною и съ художественной и съ христіанско-религіозной точки зрѣнія. Во 1-хъ, зачѣмъ закричала царица, предупреждая Георгія о выходѣ дракона. развѣ онъ самъ его не долженъ былъ увидѣть?“ Напрасное недоумѣніе автора! Вѣдь царица стояла лицомъ къ озеру, а Георгій, какъ разговаривавшій съ нею, естественно стоялъ лицомъ къ ней и стало быть къ озеру спиною; поэтому вполне естественно царица могла видѣть появившагося дракона, чего однако не могъ замѣтить св. Георгій, поэтому крикъ царицы является естественнымъ. Какъ это просто!

1) Извлечение изъ главъ 1, 2, 3, 4, 6 и 17 этой книги были предметомъ чтенія и обсуждения въ семинаріи по средне- и новогреческой филологіи Крумбахера въ Мюнхенѣ 10 и 17 февраля 1909 года (см. стр. 532)

Результатомъ сличенія Аеонскаго списка съ ранѣе изданными явились слѣдующіе выводы автора: 1) „Новогреческая аеонская обработка византійской легенды о Георгіи и драконѣ сдѣлана по одному изъ списковъ второй греческой редакціи легенды“. Какая это вторая греческая редакція, мы такъ-таки и не знаемъ, ибо хотя авторъ въ своемъ огромномъ трудѣ издалъ, какъ мы видѣли, два греческихъ текста, но не назвалъ ихъ редакціями; и лишь теперь, имѣя подъ руками обѣ его книги, мы должны сказать, что вторую редакцію здѣсь авторъ называетъ первый греческій, Парижскій, текстъ чуда. 2) „Эта обработка во многихъ случаяхъ сходится съ латинскими, юго-славянскими и русскими текстами легенды“. Это, собственно говоря, даже и не выводъ автора изъ его брошюры, а мысль, взятая на прокатъ у Крумбахера¹⁾, который находилъ нужнымъ исканіе связей помимо европейскихъ даже въ восточной литературѣ, то есть въ арабскомъ, коптскомъ, сирійскомъ, грузинскомъ, армянскомъ и т. д. 3) „Одни изъ этихъ случаевъ сходства (распространенія) не что иное, какъ простая аналогія съ явленіями латинской и русской литературы, а другіе, особенно важные, служатъ для возстановленія чтеній византійскаго первооригинала легенды“. Вторая половина этого тезиса — первое сколько нибудь цѣнное наблюденіе г. Рыстенки, потому что первая половина его уже способна покраснѣть отъ незаслуженнаго ею мѣста тезиса. Въ самомъ дѣлѣ, интерполяція текста — развѣ это ученый выводъ изъ работы? вѣдь это простое констатированіе факта. Стоитъ только прочесть двѣ-три фразы какого либо агіологическаго памятника, чтобы сейчасъ же убѣдиться, интерполированный, или простой это текстъ. 4) „Поэтому а) при изученіи памятниковъ византійской литературы необходимо обращаться къ новогреческимъ ихъ передѣлкамъ и обработкамъ и обратно и б) нужно изучать византійскіе памятники въ связи съ средневѣковыми латинскими переводами и обработками ихъ“. Первая часть этого тезиса правильна, новогреческій текстъ пересказовъ хотя бы и XVII в. можетъ иногда оказывать извѣстные услуги при занятіяхъ даже византійскими текстами; но при второй части тезиса мы поставили бы нѣкоторое условіе или ограниченіе: чтобы печатать не всю эту процедуру сличенія текстовъ, а одинъ только выводъ изъ кропотливой работы. 5) „При изученіи памятниковъ славяно-русской литературы необходимо привлекать къ разсмотрѣнію какъ латинскія, такъ и новогреческія обработки византійскихъ подлинниковъ“. И къ этому тезису мы можемъ прибавить только что названное ограниченіе.

Когда идетъ рѣчь о древнемъ памятникѣ въ рукописи XIX в., какимъ и является аеонскій пересказъ повѣсти, изслѣдователь долженъ былъ бы испытывать особо тревожное чувство. Что это? дѣйствительно

1) GBL,² 794—795.

ли это точная передача древняго текста? почему этотъ текстъ сохранился только въ рукописи XIX в.? не сочиненъ ли онъ какимъ нибудь современнымъ книжникомъ на манеръ старый? и т. д. Со всѣми этими вопросами необходимо было считаться прежде, нежели приступать къ изученію памятника. Мы въ правѣ были ожидать, что г. Рыстенко прежде всего подыметъ эти вопросы и такъ или иначе отвѣтитъ на нихъ.

Ничуть не бывало. Авторъ и въ данномъ случаѣ принимаетъ текстъ „ничтоже сумняся“ и трактуетъ его такъ же, какъ и въ большомъ своемъ изслѣдованіи, то-есть шагъ за шагомъ слѣдить, какія подробности этого текста сходны съ ранѣе изданными имъ греческими, латинскими (кард. I. Стефанески), или славяно-русскими текстами или даже съ какою русскою редакціею.

Редакціи, редакціи, редакціи . . . Вотъ новая манія въ новѣйшемъ направленіи ученого изученія древне-русской литературы! Всѣ изслѣдованія редакцій въ области рукописнаго матеріала представляютъ изъ себя въ сущности черновыя работы по сличенію текстовъ; въ старое время черновая работа не выходила на свѣтъ Божій, она дѣлалась для вывода и затѣмъ уничтожалась; въ новое время ученые напротивъ стали придавать ей чрезвычайно большое значеніе. Но погрузившись въ редакціи, загромождивъ ими, утолстивъ и сдѣлавъ неудобочитаемыми книги, они забыли о самыхъ памятникахъ. Такъ какъ рукописей, слава Богу, сохранилось все же весьма изрядное количество, а съ теченіемъ времени еще болѣе возрастетъ, работы новымъ ученымъ — бездна. Послѣ Рыстенка гдѣ нибудь попадаетъ еще пересказъ чуда въ рукописи напр. 1910 года, и ученые начнутъ опять слово за словомъ сличать и подводить варіанты къ прежнимъ текстамъ и опять придутъ къ какому нибудь выводу, въ родѣ напр. слѣдующаго: данный текстъ, сходясь отчасти съ первою греческою редакціею, значительно отклоняется отъ латинскихъ текстовъ и поразительно совпадаетъ съ русскою пятою редакціею чуда. Но подобные выводы мы не считаемъ цѣнными и плодотворными, ибо они основаны на дурно понятой базѣ Тихонравовской школы изученія древне-русской литературы. Самъ Н. С. Тихонравовъ, оставаясь на почвѣ рукописнаго преданія, имѣлъ дивный даръ проникновенности въ литературную сферу и жизнь изслѣдуемаго времени, даръ широкихъ синтетическихъ построеній; ученики его, усвоивъ фундаментъ (т. е. занявшись рукописями), не имѣли таланта, не имѣли творческой способности возвыситься до вершины, до конечной цѣли всякаго изслѣдованія, оказались въ невозможности свои „выводы“ пустить непосредственно въ научный оборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ первый выводъ изъ этой брошюры, скажу болѣе: развѣ выводы огромнаго изслѣдованія г. Рыстенки могутъ занять свое мѣсто въ исторіи русской переводной литературы? какое значеніе можетъ имѣть выводъ о зависимости третьей редакціи сказанія отчасти отъ первой, но особенно отъ второй? Да и что же такое эта самая редакція?

Небольшое чудо св. Георгія о драконѣ, какъ весьма трогательный рассказъ для благочестиваго человѣка стараго времени, пересказывалось на всевозможные лады какъ на византійской, латинской, славяно-русской, такъ и греческой почвахъ. Неудивительно, что содержаніе этой повѣсти въ старину было очень хорошо извѣстно грамотнымъ людямъ. При пересказахъ ся рассказчики естественно разнились въ своемъ изложеніи: малообразованный выражался очень просто, какъ напр. тепершнія бабушки рассказываютъ сказки внучкамъ; краснобай выражался болѣе цвѣтистымъ языкомъ и съ частыми уклоненіями въ сторону отъ непосредственнаго разсказа; образованный, читавшій или слышавшій эту повѣсть изъ разныхъ устъ, естественно видѣлъ достоинства каждой передачи и при своемъ пересказѣ заимствовалъ все то лучшее, что онъ зналъ доселѣ. Естественно, что эти три рассказчика, даже если они и современники между собою, изложатъ повѣсть каждый по своему; въ ихъ пересказахъ будутъ пожалуй отличія въ именахъ лицъ, въ названіяхъ мѣстъ, въ мелкихъ деталяхъ основного разсказа. Какъ теперь ученые должны разбираться въ этого рода литературѣ? Можно ли говорить здѣсь о „первооригиналѣ“ (стр. 11, 13)? конечно нѣтъ, ибо и самый „первооригиналъ“ есть величина неопредѣленная и сомнительная. Доселѣ, какъ видно изъ труда Рыстенки, ограничивались: 1) перечисленіемъ редакцій повѣсти (удивительно важное дѣло: Ну, а если рассказчиковъ или учениковъ, оставившихъ свои пересказы, было бы 40, значить нужно регистрировать всѣ 40 редакцій?), 2) указаніемъ степени зависимости одной редакціи отъ другой (Господи! да вѣдь всѣ дороги ведутъ въ Римъ и всѣ редакціи сходятся на одномъ — на передачѣ основного разсказа!), 3) датированіемъ по возможности каждой изъ нихъ (къ чему это? одна можетъ относиться къ началу, другая къ срединѣ, третья къ концу XIX столѣтія, но вѣдь это не будетъ имѣть значенія историческаго императива) и т. д. Попробуйте всѣ редакціи переводныхъ повѣстей съ ихъ характеристиками, датированныя напр. XVII вѣкомъ, сложить вмѣстѣ и на основаніи ихъ написать исторію переводной литературы XVII вѣка. Вотъ то бы получилось разливанное море! Характеристика Георгіевской легенды получилась бы одна, Никольской другая и т. д. Нѣтъ, редакція напр. XVII в. — понятіе очень условное; она можетъ быть пристегнута къ этому времени только на живую нитку, а корнями относится къ болѣе раннему времени. Къ XVII в. отнести ее очень рискованно, а къ другому, болѣе раннему, времени нельзя потому, что мы чаще всего сами не знаемъ, когда она возникла. А при незнаніи главнаго историческаго условія, времени появленія памятника, совершенно невозможно и составленіе исторіи переводной литературы или хотя бы даже правильное введеніе ея въ рамки общей исторіи литературы. Народная письменность — особая отрасль, исторія которой еще не написана, она еще ждетъ своего Тихонравова, который бы начерталъ планъ ея. А нынѣшнія изслѣдованія,

по нашему мнѣнiю, не могутъ пригодиться для будущаго систематизатора, ибо они стоятъ на невѣрномъ пути, на пути редакци. Намъ зашли редакци, мы помѣшались на редакцияхъ, мы стали не историками литературы, а редакционистами, то-есть хотя мы дѣлаемъ большой шагъ, однако не впередъ, какъ бы слѣдовало, а въ сторону

3. Ауфгаузеръ.

Joh. B. Aufhauser. Das Drachenwunder des heiligen Georg in der griechischen und lateinischen Ueberlieferung. Mit 19 Abbildungen auf 7 Tafeln Leipzig, B. G. Teubner 1911. XII, 225 стр. 8⁰. Цѣна 8 м. Byzantinisches Archiv. Heft 5

Другимъ, уже прямымъ, ученикомъ Крумбахера, также читавшимъ отдѣльныя части своего изслѣдованiя о св. Георгии въ его семинарѣ, былъ Ауфгаузеръ, посвятивши себя изученiю легенды св. Георгия о драконѣ, какъ и Рыстенко. Два молодыхъ ученыхъ занимаются подъ руководствомъ учителя и всѣ они одинаково заняты одною мыслію о Георгии. Какъ это знаменательно! какъ это трогательно! Разница между ними только въ томъ, что учитель занятъ житiеиною литературою о святомъ, а ученики — однимъ изъ чудесъ его, при чемъ не упускаютъ изъ вида и общихъ взглядовъ на значенiе Георгіева культа въ христіанскомъ мірѣ. Русскіи ученые, какъ мы видѣли, написали книгу не по ранѣе намѣченному плану; его младшій коллега, д-ръ богословія и филологiи Ауфгаузеръ, усвоивъ вполне методъ Крумбахера, далъ изслѣдованіе, которое такъ подкупаетъ своею строиностію и не грѣшитъ излишествами. Центромъ изученiя Рыстенки была славяно-русская письменность, а греческая являлась только между прочимъ; напротивъ Ауфгаузеръ обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на греческую письменность и только потомъ на литературу латинскую

Авторъ начинаетъ изслѣдованіе естественно съ общаго, съ 13 чудесъ святого, сохранившихся въ греческомъ текстѣ, а не такъ, какъ Рыстенко, начавшій прямо съ чуда о драконѣ. Какъ и у Крумбахера, у Ауфгаузера замѣтна иногда нѣкоторая дробность: въ § 1 онъ передаетъ краткое содержаніе чудесъ, а въ § 2 рѣчь идетъ объ этихъ же чудесахъ въ греческихъ рукописяхъ, съ указаніемъ начальныхъ и конечныхъ словъ каждаго изъ нихъ, но такъ какъ рукописное преданіе является весьма важнымъ и очень распространеннымъ выдѣленіе его въ особыя § имѣетъ свои *raison d'être*. Въ § 3 (Литературно-историческія проблемы) авторъ подымаетъ вопросы о времени возникновенiя и объ авторахъ чудесныхъ сказанiй. Въ виду того, что три чуда изъ этого собранiя имѣются въ греческой рукописи Московскои Синодальной Библиотеки 1023 года, авторъ полагаетъ, что въ первой четверти XI в. они были уже на лицо; въ рукописяхъ XII в. имѣются легенды

о драконѣ, демонѣ и волѣ Теописѣ, въ XIV в. видѣніе сарацынина и безчиство сарацынина, въ XV в. чудо о сынѣ Мануила, въ XVI в. объ убитомъ воинѣ, о плѣнномъ юношѣ въ Митилинѣ и о яичномъ пирогѣ, то-есть всѣ чудеса св. Георгія падаютъ на время 1023 г. — XVI вѣкѣ. Но имѣются данныя о существованіи и другихъ чудесъ св. Георгія: чуда о видѣніи сарацынина, рассказаннаго св. Григоріемъ Декаполитомъ въ IX вѣкѣ, чуда о болгаринѣ, X в., византійскаго происхожденія, сохранившагося въ славяно-русской письменности и изданнаго сначала И. И. Срезневскимъ, а потомъ нами, ускользнувшаго отъ вниманія Ауфгаузера¹⁾. Словомъ чудеса Георгія извѣстны были съ гораздо болѣе стараго времени, нежели рукописи, говорящія о нихъ. Большинство чудесъ приурочивается къ Палестинѣ и Сиріи, къ Лиддѣ = Диосполи = Рамле (Amreron), рѣже къ Малой Азій (Пафлагоніи, Каппадокіи, Митилинѣ). Основною темою (по автору: источниками) этихъ легендъ была варіація немногихъ сюжетовъ.

Первая книга изслѣдованія (Чудо въ греческой передачѣ) открывается перечнемъ всѣхъ греческихъ рукописей съ обычнымъ (vulgata, Крумбахеръ сказалъ бы: нормальнымъ) текстомъ чуда, затѣмъ съ точнѣйшимъ ихъ опредѣленіемъ и общемою ихъ характеристикою, опредѣленіемъ основанія для изданія и перечнемъ сокращеній рукописей въ вариантахъ. Авторъ съ особенною любовію издалъ текстъ чуда о драконѣ (S. 52—69) по римской рукописи, снабдивъ его многочисленными варіантами изъ другихъ списковъ, и чуда объ обличенномъ демонѣ (S. 70—71) по списку парижскому. Послѣ подробнаго анализа текста вторая глава первой части этой книги трактуетъ о сокращенномъ обычномъ (= нормальномъ) текстѣ. Мнѣ кажется, такое наименованіе не особенно точное: нормальный или обычный текстъ можетъ быть только одинъ, уклоненіе отъ него уже не есть нормальный текстъ, это или сокращеніе, или интерполяція его. Здѣсь напечатанъ текстъ чуда по венеціанской рукописи II, 42, то-есть тотъ самый текстъ, который былъ ранѣ изданъ Рыстенкомъ (стр. 19). Надо ли прибавлять, что греческій текстъ у Ауфгаузера изданъ болѣе тщательно, нежели у русскаго ученаго: *Ρ ποτῆσαι* — *Α ποτῆσαι*, *Ρ καὶ σύ . . .* — *Α καὶ σύ*.²⁾, *Ρ σὺν σοι* — *Α σὺν σοι* и пр. Рыстенко, переписывая чудо, напечаталъ за одно и продолженіе его, объ обличенномъ демонѣ; Ауфгаузеръ тутъ непослѣдователенъ: на стр. 70—71 онъ напечаталъ его цѣликомъ, на стр. 98 уклонился отъ его передачи цѣликомъ, а на стр. 151—153 опять напечаталъ его по другой рукописи. Въ третьей главѣ приведенъ распространенный обычный (= нормальный) текстъ чуда съ его анализомъ. Наконецъ, въ четвертой главѣ дается связь чуда

1) Пам. Древн. Письм. С (1894); ср. Byz. Zeitschr. IV (1895), 199 (рецензія К. Крумбахера).

2) Мы предложили бы читать здѣсь: *καὶ σύ*;

о драконѣ съ мученичествомъ святаго, то-есть печатается отрывокъ мученичества, въ которое чудо о драконѣ входитъ уже органическою частью. Заключительною главою первой книги является чудо св. Георгія въ византійскомъ искусствѣ. Чудо о драконѣ, по словамъ автора, было чуждо древнѣйшимъ рассказамъ о чудесахъ Георгія. Никифоръ Григора въ XIV в. видѣлъ въ константинопольской часовнѣ Богородицы Побѣдительницы (Никопей) икону св. Георгія на конѣ, но безъ дракона; но Псевдокодинъ говоритъ о двухъ изображеніяхъ на хоругви св. Георгія *ἑφιπλον* и *δρακόντειον*. На древнѣйшихъ аѳонскихъ иконахъ еще нѣтъ чуда о драконѣ, которое появляется только съ XIV—XVI вѣка. Хотя изображенія анонимнаго всадника, поражающаго дракона, имѣются отъ болѣе стараго времени, напр. отъ VII столѣтія, но авторъ сомнѣвается, чтобы тутъ имѣлся въ виду Георгій, тѣмъ болѣе, что въ подобной же обстановкѣ извѣстны и другіе святые, напр. Теодоръ Стратилатъ, Меркурій, Димитрій Солунскій. Византійскія монеты съ изображеніемъ Георгія война (не драконо-убійцы) извѣстны со временъ Комниновъ и Палеологовъ.

Во второй книгѣ своего изслѣдованія Ауфгаузеръ говоритъ о латинской литературѣ о св. Георгіи и здѣсь изслѣдуетъ прежде всего текстъ чуда по Мюнхенской рукописи № 14473, XII в., далѣе текстъ Золотой Легенды Генуезскаго архіепископа XIII в. Якова Воражинскаго и, наконецъ, обработку повѣсти, вышедшую изъ-подъ пера кардинала XIV в. Якова Стефанески. *Legenda aurea* издана здѣсь не по печатному изданію¹⁾, а по мюнхенской рукописи № 13029, 1282 года. При сличеніи изданія съ указанною рукописью получается много мелкихъ отличій въ текстѣ:

изд. XVI вѣка:

Ауфгаузеръ, S. 202:

Greg.
virem vel viriditatem
interne
alibi legitur quod
Dioclitiano
imperantibus
omnium filii et filie hominum
deest
deest
dimisisset

Georgius
viriditatem
eterne
alibi quod
Datiano
imperatoribus
hominum filii et filie
etiam
totam
annuisset

1) Въ нашемъ собраніи имѣется изданіе Легенды XVI в., къ сожалѣнію безъ начала и конца, f. 76 г. — 78 г. Изъ новыхъ изданій, указанныхъ Ауфгаузеромъ, отмѣтимъ Грессевское въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ 1850, Бреславское 1890.

Georgius casu inde
loquerentur
advenientem
graviter
annuit
autem
Georgius
bonum (!)
in illa die
viginti milia hominum
recipere
nolens
osculato autem rege
dispertum sit
ex
uno Christo

Georgius inde
loqueretur
venientem
fortiter
innuit
ergo
Georius
boum
illa die
viginti tria milia
accipere
rennuens
et sic deosculato rege
disponit
et
Christo

Текстъ *Legenda aurea*, по Ауфгаузеру, является сокращеніемъ пространенной греческой версіи и послужилъ источникомъ для средне-верхне-нѣмецкихъ обработокъ, напр. Отфрида (IX в.), у котораго св. Георгій уничтожаетъ бога Аполлона:

Georjo huob dia hant ûf: gebot er uper den hellehunt,
erbibinôta Apollin: dô fuer er sâr en abscounti in

и нѣтъ упоминанія о драконѣ. Старобаварскій поэтъ XII в. Reinbot von Durne также не упоминаетъ чуда о драконѣ. Но съ XV в. и здѣсь появляется это чудо. Равнымъ образомъ и латинскіе гимны съ IX в. не упоминаютъ еще о чудѣ съ дракономъ, но уже съ XV—XVI в. всѣ говорятъ объ этомъ (S. 231). Искусство XIII в. также не знаетъ этого чуда, а если и появляется всадникъ, то онъ безъ имени.

Всѣ свои разсужденія авторъ изложилъ въ двухъ своихъ положеніяхъ: 1) древнѣйшія извѣстныя намъ чудеса св. Георгія не содержатъ разсказа о борьбѣ съ дракономъ; 2) легенда о борьбѣ съ дракономъ въ литературной и художественной передачѣ появляется лишь съ XII—XIII вѣка. Мы видѣли, что Крумбахеръ предложилъ генеалогическое древо литературной жизни мученичества. Ученикъ его также пошелъ по его стопамъ и на стр. 241 нарисовалъ свое древо. По этой схемѣ, первоначальный текстъ чуда появился съ одной стороны въ группѣ обычнаго (*vulgata*) текста, а съ другой — въ связи съ мученичествомъ. Обычный текстъ разбился на три группы: сокращенную версію, обычный текстъ и распространенную версію. Изъ одной группы списковъ обычнаго текста произошли съ одной стороны тексты новогреческіе съ народными пѣснями, а съ другой — тексты славянскіе. Отъ той же группы тѣхъ же списковъ чрезъ посредство неизвѣстной среды вышелъ

списокъ Мюнхенскій № 14473, отъ другого списка обычнаго текста, а еще болѣе, изъ неизвѣстной среды возникъ текстъ Золотой Легенды. Мюнхенскій текстъ и *Legenda aurea* дали съ одной стороны текстъ Стефанески, а одинъ Яковъ Воражинскій былъ вѣроятнымъ источникомъ латинской поэзіи и западныхъ національных обработокъ.

Подобнаго рода родословія трогаютъ и восхищаютъ читателя наглядностью итоговъ ученаго изслѣдованія. Вѣрить такимъ построеніямъ можно, но слѣдуетъ при этомъ помнить, что другой ученый, который изучилъ бы списки такъ, какъ это сдѣлалъ Ауфгаузеръ, можетъ представить чертежъ и въ нѣсколько иномъ видѣ, а съ появленіемъ новаго стараго списка (не умѣю лучше выразиться) уже непременно долженъ будетъ весьма значительно передѣлать и самый чертежъ.

4. Г-жа Гольсть.

Cornelia Steketee Hulst. *St. George of Cappadocia in legend and history.* London, David Nutt 1909. XII, 156 стр., 8°.

До сихъ поръ мы рассматривали ученые изданія профессоровъ и другихъ представителей науки, и видѣли, что все они не охватывали вопроса о св. Георгіи въ его цѣломъ, а разрабатывали какіе либо отдѣльные вопросы изъ его жизни и дѣятельности; одни (Крумбахеръ) рассматривали преимущественно его *μαρτύριον* въ его разныхъ редакціяхъ, другіе (Рыстенко, Ауфгаузеръ) только легенду о борьбѣ Георгія со змѣемъ, одни только въ одной греческой литературѣ, другіе въ литературахъ греко-латинской или греко-славянской.

Прекраснымъ дополненіемъ и Георгіевскому вопросу, не столько ученымъ, сколько популярнымъ, явилось произведеніе англійской любительницы историческихъ и сказочныхъ разсказовъ изъ области агиологической, г-жи Гольсть¹⁾. Послѣдняя сознается, что личность св. Георгія привлекла ея вниманіе и фантазію главнымъ образомъ потому, что великомученикъ очень ужъ часто является въ ученой литературѣ, что очевидно не даромъ, и вотъ она занялась Георгіевскимъ вопросомъ въ его цѣломъ, чтобы выяснитъ себя, чѣмъ же интересна личность этого святого. Она пересмотрѣла главнымъ образомъ старую литературу о св. Георгіи и сдѣлала компилятивный сводъ мнѣній разныхъ авторовъ о повсемѣстномъ культѣ св. Георгія съ древняго времени вплоть до реформации. Она такъ и говоритъ съ первыхъ строкъ предисловія: „не съ намѣреніемъ выразить свое мнѣніе на счетъ правды

1) Ознакомленіемъ съ книгою ея мы обязаны безконечной добротою М. Я. Майхровской, служащей въ Имп. Публ. Библіотекъ, и приносимъ ей глубочайшую благодарность за ея великую намъ помощь.

или ложности относительно вѣры въ св. Георгія изъ Каппадокіи, но съ намѣреніемъ собрать исторіи, которыя были посвящены ему, легенды, которыя были рассказаны какъ правда, пѣсни и аллегоріи, которыя окружали его имя, важные факты его вліянія на людей и народы, и перемѣна въ пониманіи его въ теченіи многихъ столѣтій.“ „Не намѣреніе написать книгу, говорить она далѣе, а только большое восхищеніе передъ побѣдителемъ дракона и интересъ въ постоянномъ упоминаніи о немъ въ литературѣ и трудность найти что либо опредѣленное, заставило меня собрать большую часть здѣсь напечатаннаго“. Однако слѣдуетъ сознаться, что авторъ помимо компилятивности продѣлалъ и довольно самостоятельную работу, разработавъ пунктъ эволюціи на счетъ легендъ, не оцѣненныхъ учеными.

Уже съ первыхъ строкъ первой главы (Исторія и легенда о св. Георгіи) г-жа Гольстъ, исходя изъ декрета папы Геласія, отрицавшаго подлинность актовъ св. Георгія, говоритъ о гипотезахъ ученыхъ XVII в. насчетъ личности этого святого: Хейлинъ (1633 г.) отличалъ Георгія, еретика аріанина, отъ подлиннаго св. Георгія — каппадокійца, напротивъ Гиббонъ отождествлялъ ихъ. По мнѣнію послѣдняго, Георгій былъ позорнѣйшимъ человѣкомъ, нечестивымъ поставщикомъ провіанта для императорской арміи въ Каппадокіи, бѣжавшимъ отъ руки правосудія, грабителемъ языческихъ храмовъ, заключеннымъ въ тюрьму и убитымъ возмущенной чернью, въ виду своего христіанства внесеннымъ въ списокъ святыхъ греческой, а потомъ и римской церкви. Фонъ Гутшмидтъ (1861 г.) доказывалъ, что Каппадокія много вѣковъ находилась подъ персидскимъ вліяніемъ, а въ Персіи вѣрили въ Миѳу, главнаго бога полей, чествованіе котораго было приурочено къ 23 апрѣля; богъ этотъ трижды умиралъ и трижды воскресалъ (какъ и Георгій народной книги). Клермонъ-Ганно (1876 г.) указывалъ на связь Георгія и дракона съ коптскимъ Хорусскимъ миѳомъ, а равно съ греческимъ миѳомъ о Персеѣ и Андромедѣ. По словамъ г-жи Гольстъ (р. 5), до XII в. нѣтъ рукописи, содержащей рассказъ о драконѣ и освобожденіи дѣвушки. Конечно, это справедливо, какъ справедливо и то, что (р. 42) сохранилась „бронзовая дверь, X столѣтія, на которой изображено сраженіе съ дракономъ“. Любительница всего чудеснаго, она видимо съ удовольствіемъ рассказываетъ о всѣхъ мученіяхъ Георгія и чудесахъ при этомъ, напр. о возвращеніи къ жизни вола одной вдовы. Магъ Аѳанасій призванъ былъ для отравленія св. Георгія, но отравы не подѣйствовала; Аѳанасій самъ увѣровалъ во Христа и за то преданъ былъ императоромъ смерти. По мнѣнію Хейлина, Аѳанасій — это аллегорія, намекъ на св. Аѳанасія Великаго Александрійскаго, котораго аріане всячески осмѣивали. Изъ увѣровавшихъ во Христа при этомъ была и царица Александра, которая также пострадала. Наконецъ и самъ св. Георгій былъ обезглавленъ. Апокрифическое, Пасикратово, житіе Георгія, страдавшаго во времена персид-

ского царя Датіана и 72 другихъ царей¹⁾, противъ котораго вооружался римскій папа Геласій въ 494 г., тѣмъ не менѣ сохранилась въ рукописи 450 года. Изъ него видно, что Георгій былъ трижды убиваемъ (однажды былъ изрѣзанъ на куски, которые однако въ бурю и землетрясеніе соединились вмѣстѣ и были за тѣмъ оживлены ангеломъ) и только послѣ четвертой смерти онъ вошелъ въ рай. Въ Пасикратовомъ сказаніи еще нѣтъ упоминанія о чудѣ съ дракономъ, но самъ императоръ названъ дракономъ.

Во второй главѣ (Аллегорія о св. Георгіи и драконѣ) г-жа Гольстъ снова говоритъ о признаніи Геласіемъ подложности актовъ Георгія, предостерегавшимъ церковь противъ вѣрованія въ дѣла Георгія, которыя извѣстны только Богу. Реформаторъ Іоаннъ Кальвинъ также считалъ св. Георгія мнѣомъ. Тѣмъ не менѣ прекрасная и героическая, по словомъ г-жи Гольстъ, легенда св. Георгія о драконѣ и освобожденіи дѣвушки, не смотря на запрещеніе, продолжала быстро распространяться, да и доселѣ еще имѣетъ свое значеніе: она украшаетъ церковь въ память Германскаго имп. Вильгельма I въ Берлинѣ, находится позади царскаго трона въ Зимнемъ дворцѣ въ Петербургѣ, помѣщена надъ королевскимъ входомъ въ палату лордовъ въ Лондонѣ, далѣе въ Венеціи и т. д.; она находилась или находится на монетахъ итальянскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, русскихъ, англійскихъ и канадскихъ. Драконъ становится символомъ дьявола, вообще грѣха, а спасенная дѣвица — прообразомъ церкви. Сюжетъ пораженія дракона скоро широко вошелъ въ обиходъ Западной Европы, послуживъ средствомъ для развлеченія народа. Послѣ упорной борьбы церкви сюжетъ этотъ потерялъ церковное значеніе, — съ тѣмъ большею свободою онъ появился въ обиходѣ странствующихъ артистовъ, которые этимъ путемъ привлекали громадную публику; сохранился этотъ сюжетъ и до настоящаго времени.

Въ третьей главѣ (Развитіе почитанія св. Георгія передъ первымъ Крестовымъ походомъ) авторъ подробно говоритъ о культѣ св. Георгія на западѣ Европы, начиная съ IV-го вплоть до конца XI столѣтія. Здѣсь отведено извѣстное мѣсто легендамъ, напр. предсказанію потери трона Діоклитіаномъ и воцаренію Константина Великаго. Построеніе церквей во имя св. Георгія началось уже съ IV вѣка; Константинъ воздвигъ храмъ въ Діосполѣ²⁾; въ VI в. стоялъ храмъ въ Сиріи, женскій монастырь близъ Парижа, церковь въ Майнцѣ и въ епархіи Даксъ (Dax); въ VII в. находился храмъ въ Римѣ и въ Константинополѣ, монастырь въ долинѣ Эльзаса, церковь въ Пикардіи, монастырь между Кремоной и Піаченцой, появились монастыри въ Англіи; въ IX в. монастырь въ Nehartikirchungъ; въ X в. монастырь и церковь въ Венеціи, монастырь въ Баваріи; въ XI в. приходская церковь въ Оксфордширѣ, не говоря уже о томъ, что мощи св. Георгія часто полагались

1) У Гольстъ р. 7: царствъ, kingdoms? Ко времени имп. Діоклетіана мученіе св. Георгія впервые отнесъ св. Андрей Критскій (VII—VIII в.).

2) Г-жа Гольстъ почему-то постоянно пишетъ: Diaspolis.

въ церквахъ и монастыряхъ, посвященныхъ другимъ святымъ. Кромѣ того, большую роль въ распространеніи почитанія играли толпы паломниковъ, шедшія въ X и XI вв. сухимъ путемъ въ Іерусалимъ въ количествѣ 3,000 и 7,000 человекъ. Дорогою они посѣщали мѣста, освященные пребываніемъ его, были даже въ Митилинѣ, мѣстѣ его мученичества (по латинскимъ и французскимъ рукописямъ XII в.), и въ Тирѣ, другомъ мѣстѣ мученичества (по коптской рукописи V в.), не говоря уже объ Іерусалимѣ, Лиддѣ и Рамле-Диосполѣ.

Въ четвертой главѣ (Ордена св. Георгія и учрежденія и обстоятельства, которыя указываютъ на его вліяніе) авторъ говоритъ прежде всего объ орденѣ св. Георгія — ангельскаго рыцаря Константина, описанномъ въ 1672 г. Ashwole'mъ и возникшемъ будто бы въ 456 г., но вѣрнѣе всего основанномъ самимъ Константиномъ Великимъ. Послѣ перваго Крестоваго похода преклоненіе передъ св. Георгіемъ сильно возрасло и онъ сдѣлался патрономъ военныхъ орденовъ, напр. у ордена Тамплиеровъ. Въ 1201 г. Арагонскій король учредилъ испанскій орденъ св. Георгія; въ 1317 г. этотъ орденъ былъ соединенъ въ орденъ Богородицы и св. Георгія. Первый австрійскій орденъ св. Георгія былъ учрежденъ въ 1245 г. для защиты Восточной имперіи противъ Турокъ. Между 1390—1400 гг. возникъ рыцарскій орденъ въ Бургундіи для защиты католичества. Побѣдный кликъ у англійскихъ воиновъ былъ: „св. Георгій для Англіи“, у Шекспира въ „Генрихъ V“: „Англія и св. Георгій“. Другіе ордена были установлены въ поощреніе воиновъ, напр. Баварскій орденъ въ 1729 г., русскій военный орденъ въ 1767 г. сперва только для офицеровъ, а потомъ и для солдатъ, англійскій орденъ въ память взятія о. Мальты.

Въ пятой главѣ (Романтическое развитіе легенды о св. Георгіи) г-жа Гольстъ, говоря о сочиненіи Рейнбота von Durne, находитъ, что оно, какъ подражаніе Вольфраму Эшенбаху въ религіозномъ и романтическомъ отношеніи, носить романтическій оттѣнокъ: святой является здѣсь въ образѣ блуждающаго рыцаря. Поэма эта была написана Рейнботомъ по требованію баварскаго герцога и рейнскаго пфальцграфа Оттона въ 1225 г. съ тою цѣлью, чтобы имя святого было почитаемо и на нѣмецкомъ языкѣ. Она написана для народа, этого любителя приключеній и традицій Крестовыхъ походовъ и эха героевъ. Она — не только церковная легенда, но и пѣсня о рыцарствѣ. На основаніи Рейнботовой поэмы явилась скандинавская баллада и нѣмецкая поэма. Первая повѣствуетъ о предложеніи королемъ своей дочери въ жены воинствующему *sant Jerge* и объ отказѣ рыцаря отъ невѣсты, такъ какъ онъ долженъ сдержатъ рыцарскій обѣтъ. Въ итальянскихъ пѣсняхъ Георгій является святымъ, подвиги котораго возбуждаютъ поклоненіе; удивительно поэтому, что въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“ Т. Тассо не упоминаетъ имени св. Георгія. Въ русскомъ переложеніи св. Георгій названъ Егоромъ, родители котораго попадаютъ въ плѣнъ

къ татарскому хану, но и его самого татары подвергали пыткамъ, которыхъ онъ впрочемъ не чувствовалъ. Въ позднѣйшихъ столѣтіяхъ битва съ дракономъ является романтической исторіей въ Европѣ, и св. Георгій, какъ романтический герой, входитъ въ составъ большихъ национальных героев, напр Сиды, Орланда, короля Артура и др.

Наконецъ въ послѣдней, шестой, главѣ (Св Георгій въ послѣднихъ столѣтіяхъ) авторъ говоритъ, что въ предреформаціонную эпоху изображеніе св Георгія и битва его съ дракономъ были включены въ религиозныя процессіи. Когда англійскій король и его рыцари ордена подвязки праздновали день св Георгія пышнымъ образомъ, народъ зажигалъ костры. Городскіе праздники („освобожденіе“) представляли святого въ битвѣ съ дракономъ; съ конца XIV в. эти представления давались рыцарями. Праздники въ честь его совершались въ Англіи, Шотландіи, Ирландіи и въ Сѣверной Америкѣ, и многія церкви имѣли его своимъ патрономъ. Въ память Георгія учреждены были многія общества Греки очень почитаютъ св. Георгія, и день 23 апрѣля празднуется большими и пышными празднествами. Во время русско-японской войны русскіе утверждали, что видѣли св Георгія на небѣ прогоняющимъ невѣрныхъ японцевъ. Всѣ исторіи и чудеса его изданы въ его „житіи“, напечатанномъ въ Аѳинахъ.

Говоря о культѣ св. Георгія въ Россіи, г-жа Гольстъ впадаетъ въ ошибку, впрочемъ извинительную ей какъ иностранкѣ. Напр на стр. 23 она пишетъ: „Греческая принцесса въ греческомъ мнѣѣ названа Софіею — мудростью, какъ она названа въ русскихъ сочиненіяхъ, и это имя есть ключъ къ объясненію, данному къ аллегоріи. Открытіе аллегоріи произошло передъ наименованіемъ церкви св Софіи въ Константинополѣ и вѣроятно значительно раньше принятія сраженія св. Георгія съ дракономъ въ гербъ Москвы (!), что произошло въ IX столѣтіи (!!)" . Полагая, что это просто недосмотръ, мы и не хотѣли было обращать на него особеннаго вниманія; но вотъ на стр. 43 читаемъ тоже самое: „аллегорія о св. Георгии и драконѣ была взята въ гербъ Москвы въ IX вѣкѣ". На стр. 44: „гербомъ русской принцессы Анны, которая была дочерью государя Россіи и Московіи (!) и вышла замужъ за французскаго короля Генриха I въ 1051 г., былъ св. Георгій, убивающій дракона".

Особенною оригинальностью автора является ея сужденіе, что „съ запада почитаніе св. Георгія рано достигло востока“ (р 44). Можетъ быть въ громадной литературѣ ранѣе писалось и такимъ образомъ, но въ настоящее время уже не возможно поддерживать эту точку зрѣнія, нельзя говорить, что съ запада VI—VII столѣтіи Георгіевскій культъ, особенно путемъ заноса его крестоносцами проникъ въ Малую Азію, тѣмъ болѣе самъ же авторъ распространяется объ обратномъ влияніи Константинополя на западъ Европы (р. 47).

Хр. Лопаревъ.